

Глава 400. Жестокое уничтожение Цветка. Падение клана Янь. Изменения в Цинцин.

Хоть Янь Чжунфэн и находился в панике, он все же был практикующим воином. Инстинктивно он занес свой меч и направил его прямо к горлу Цин Шуя. И этот удар нельзя было сбрасывать со счетов.

Однако Цин Шуй не дрогнул. Волна золотистой Ци пробежала по его ладоням. Вспышка! И он схватил меч Чжунфэн голыми руками!

Дзынь!

Дзынь!

Когда Янь Чжунфэн увидел, что его меч сломан пополам, он знал, что ему конец.

Меч Большой Медведицы сверкнул в руке Цин Шуя и пронзил грудную клетку Чжунфэн. В ту же самую точку, что и Хаочжэн. Одновременно и удар ногой пришелся прямо по грудной клетке женщины.

Бум!

Ладонь старика приземлилась прямо на спину Цин Шуя.

И тот отлетел назад!

Тонкая струйка крови вытекла из уголка его губ.

Конечно, благодаря текущей защите, Цин Шуй не сильно пострадал. Легкие ранения были неизбежны. Цин Шуй знал, на что он шел. Иначе он бы и не пошел против старика.

Все дело было в Ядре Мистической Черепахи и Жилета Семи звезд. Если бы не эти атрибуты, он бы пострадал очень серьезно от такого удара. Может быть, и с жизнью уже попрощался.

Подлая атака воина вершины седьмого уровня Боевого Короля. По сравнению со слепцом с поля боя у резиденции Цанхай, он был гораздо сильнее.

Янь Чжунфэн был мертв. И Сяо Шиюнь! Она не успела произнести ни слова. Она даже не сопротивлялась ничуть. Она была уверена, что Цин Шуй не нападет на нее. Когда она увидела, каким взглядом Цин Шуй на нее смотрит, она подумала, что похоть в его глазах поможет ей спасти свою жизнь. Цин Шую и правда она понравилась. Ему нравились такие женщины – достойные, умные, очаровательные. Однако она себя переоценила, а Цин Шуй решил, что этому цветку не жить больше на земле!

Жестоко уничтожил прекрасный цветок!

Сяо Шиюнь даже слова не смогла сказать.

Цин Шуй повернулся к старику. Вытерев кровь из уголка рта, он уставился на врага. Однако старик внезапно сказал что-то, что крайне удивило Цин Шуя.

«Добавь Янь к своему имени, и я помогу тебе добиться своей цели. Ты не только сможешь унаследовать Клан Янь, но я отплачу тебе всем своей жизнью. Что скажешь?»

Глаза старика горели огнем. Это была кровь, которая текла и в жилах Цин Шуя. Кровь Клана

Янь. Поэтому Цин Шуй был так похож на Янь Чжунъюэ.

Ир девяти континентов принадлежала сектам и влиятельным кланам. Таким образом, каждый воин стремился заручиться защитой, или получить влияние над территорией. Все стремились получить поддержку от определенных сект и кланов. И сильное чувство принадлежности к своим сектам и кланам было делом обычным.

Цин Шуй холодно смотрел на старика. Ему дела не было до Клана Янь. поэтому его взгляд прекрасно отражал его намерения.

«Кровь в тебе – кровь нашего клана. Неважно, возьмешь ли ты эту фамилию или нет. Ха-ха, в любом случае время Клана Янь подходило к концу. Даже если бы ты сегодня не пришел, мы бы не продержались и поколения. Так что все к лучшему. И еще. Тебе нужно бояться второго мастера Сяо из Клана Сяо. Он – Старший из Башни Меча, и он очень силен. Я рад, что смог помочь тебе достичь цели сегодня».

Цин Шуй понимал, что старик дает последние распоряжения перед смертью. А тот радостно засмеялся, потом резко замолчал и медленно опустился на земли. Блестящий серебряный меч пронзил его грудь, окрасившись в красный цвет.

...

Горестно стало Цин Шую в этот момент.

Цин И, стоявшая вдалеке, смотрела на эту сцену со слезами на глазах. Глаза Цинцин тоже наполнились слезами, она не знала, что ей делать.

...

Глава Клана Янь был мертв. Значит, все претензии между Кланом Цин и Кланом Янь были утрясены.

Вражда длиной в двадцать лет! Груз на сердце Цин Ло больше не давил, но...

Цин И страдала двадцать лет. Цин Шуй усердно трудился пятнадцать лет, терпел лишения пятнадцать лет. И сегодняшняя победа была единственным мотивом!

...

С падением старика весь Клан Янь затрепал по швам. Они еще не совсем погибли, но впереди их ждала ярость Клана Сяо. Уж они-то точно по справедливости обойдутся с ними.

Если Цин Шую удастся смести с лица земли и Клан Сяо, все равно у Клана Янь больше не было никакого статуса в городе, большинство их экспертов были мертвы или смертельно ранены. Осталось примерно треть клана, они были незначительными, третий сорт в Городе Янь, по сути. У них был лишь один путь к спасению – Цин Шуй. Он бы смог удержать клан от падения и привести его к еще большей славе, чем раньше. Просто никто не смел произнести это вслух.

Люди из Клана Сяо не исчезли. И Цин Шуй понимал, что настал черед применить самые экстремальные методы. С самого начала он понимал, что ему не следует отпускать в живых никого из Клана Сяо. С самого момента, когда Цин Шуй прибыл в город Янь и увидел Молодого Мастера Сяо, дразнившего Цинцин, он принял это решение. Стереть Клан Сяо в порошок!

«Брат Цин Шуй!»

Янь Лин'Эр подошла к нему. Цин Шуй повернулся и посмотрел на хрупкую девушку, не говоря ни слова. В шестой ветке клана Янь другая женщина, та высокая продавщица мехов, смотрела на происходящее, раскрыв рот. Она и думать не могла, что мужчина, который так понравился ей, окажется мстителем, да еще и родственником ей... И не в те ли меха одеты его женщины?

Янь Лин'Эр тихо сказала:

«Второй Мастер Сяо очень уважаем. Будь осторожнее!»

...

В Клане Лай Цзютянь смотрел на Цин Шуя восхищенными глазами. Он очень надеялся на этого юношу, но не ожидал, что тому так легко удастся повернуть это дело. Такой молодой эксперт и был Боевым Королем, а, скорее всего, даже более высокого уровня.... Лай Цзютянь понимал, что только эксперт вершины боевого короля сможет противостоять Цин Шую. Даже десятого уровня Боевой Король не устоит.

От этого его сердце билось сильнее. Это означало, что Цин Шуй, вероятно, скоро превратится в первого культиватора Боевого Святого на всем Континенте Зеленого Облака!

«Самый сильный человек на Континенте Зеленого Облака в будущем!» с удивлением думал он.

Поговорив с Лай Цзютянь и другими, Цин Шуй извинился и ушел на свой двор вместе с матерью и дедушкой.

Лай Цзютянь был счастлив. И сын его, Лай Чусун, светился от радости.

«Чусун, с каких это пор ты научился так разбираться в людях? Подумать только, ты подружился с таким человеком!»

Лай Цзютянь был явно впечатлен. От одного только пребывания Цин Шуй в их резиденции Клан Лай приобретал огромную пользу. Они смогут в будущем подняться на вершины в Городе Янь, да и не только это. Цин Шуй и Лай Чусун называли друг друга братьями. Зная об этом, кто осмелится потревожить их клан?

На этот раз Клан Лай оказали большую пользу Цин Шую. И Цин Шуй оценил их хорошие намерения. Для Цин Шуя Лай Цзютянь был хорошим человеком, с положительной энергией, или же хитрющей лисой, которая ловко пряталась под маской хорошего человека.

Цин Шуй обмылся, переоделся и вычистил свои доспехи. Он вышел в гостиную в свежей чистой одежде.

С самого возвращения Цин И не находила себе места. Цин Шуй понимал ее чувства. Она привыкла нести в душе этот груз, даже не думала, что это когда-то закончится. И тут вдруг огромный камень с ее души просто упал. И ей было некомфортно.

Цинцин уже другими глазами смотрела на Цин Шуя. И на Цин И, и на других она уже иначе смотрела. С самого момента встречи с матерью и младшим братом, она постепенно стала вспоминать то, что чувствовала в далеком детстве. Цин И не выпускала ее руку из своей руки. Это была любовь, забота, вина, что вели ее. И от этого Цинцин было очень тепло в душе. Да, она не жила рядом с матерью, но у нее был любящий отец. Просто когда ей исполнилось десять

лет, ее мир резко изменился. И только сейчас она, наконец, почувствовала тепло.

Тепло семейного очага.

Эта женщина рядом с ней подарила ей жизнь. Она и держалась столько лет только потому, что ждала, когда та придет за ней. Многие говорили ей, что это бесполезно, но она не верила в это. И так она прождала десять лет...

И этот день, которого она так ждала, наконец, наступил!

«Мама!» тихонечко сказала она. Ее голос был зажат, как будто она только училась говорить. Но Ци И чуть не подпрыгнула от удивления.

«Цинцин, Цинцин, ты признаешь меня своей матерью!»

Довольный Цин Шуй стоял рядом и улыбался. Цинцин впервые произнесла слово «мама». И это отозвалось в сердце Цин Шуя. Двадцать лет он не мог никому сказать слово «Отец». Конечно, в своей прошлой жизни он не мог пожаловаться на нехватку материнской или отцовской любви, и все равно он чувствовал сожаление.

«Мама!»

Цинцин обняла Цин И и разрыдалась. Она, наконец, смогла заплакать. Она десять лет подавляла свои эмоции. Теперь эти слезы освободили ее, ей стало радостно на душе. Выплакав все горе, она почувствовала себя лучше.

<http://tl.rulate.ru/book/51/56536>